

Санкт-Петербург, 2018

Ф. Б. Митчем

БРОШЕННЫЙ ребенок

В поисках надежды и дома

ББК 86.37
М67

Перевод с английского

Originally published in English under the title:

CASTAWAY KID

by R. B. Mitchell.

A Focus on the Family book
published by Tyndale House Publishers,
Carol Stream, Illinois 60188, USA.

Translated by permission.

All rights reserved.

*Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
в какой-либо форме без письменного разрешения издателя.*

Митчелл, Р. Б.

М67 Брошенный ребенок / Пер. с англ. — СПб.: Виссон, 2018. — 256 с.
ISBN 978-5-9909244-6-8

В этой автобиографической книге рассказывается удивительная история жизни мальчика, которого в возрасте трех лет мать оставила в детском приюте. Это история горьких разочарований, годами не сбывающихся надежд, отчаянной борьбы за свое человеческое достоинство и в конце концов сокрушительной победы над превратностями судьбы. Книга адресована широкому кругу читателей, но может быть особенно полезна людям, работающим с подростками и воспитанниками приютов, так как она дает надежду тем, у кого в силу горького жизненного опыта ее не осталось.

ББК 86.37

ISBN 978-1-58997-434-0 (англ.)
ISBN 978-5-9909244-6-8 (рус.)

© 2007 by R. B. Mitchell
© 2018, издательство «Виссон»

*Тем, кто одинок,
кто ранил себя или был ранен
жестокостью или безразличием других людей,
а также тем, кто непрерывно молится,
пытаясь внушить надежду*

Правдива ли эта история?

Вы держите в руках книгу надежды. Тем не менее в связи с недавним фурором, произведенным мемуарами с довольно сомнительными фактами, будет не лишним поинтересоваться, насколько правдива эта история.

В начале 1990-х годов, выступая в Фонде сбора помощи для детского приюта «Завет», я узнал от тамошнего директора, что поскольку никогда не находился под опекой государства, то могу ознакомиться со всеми записями курировавшего меня соцработника. Я отобрал некоторые из них для своих заметок, постоянно повторяя себе: «Если когда-нибудь я решусь написать книгу, люди подумают, что все это выдумка».

Но события, о которых пойдет речь, действительно имели место. Они воспроизведены не только благодаря моим собственным воспоминаниям, но также благодаря устным и письменным свидетельствам, которые я обнаружил в отчетах соцработника, записях бесед и дневнике моей бабушки Джиджи.

Так что некоторые герои моей книги могут поделиться собственными историями, если решат это сделать. Имена других воспитанников

данного приюта не называются, за единственным исключением, сделанным с разрешения его обладателя. Все имена в книге подлинны, но есть и несколько прозвищ.

Мне говорили, что мои воспоминания отличает необычная правдивость. Разумеется, никто не может похвастаться совершенной памятью, но диалоги этой книги отражают суть каждой ситуации и приводятся с максимально возможной точностью. Все здравствующие ныне взрослые, которых я цитирую и с которыми мне удалось связаться, подтвердили мои воспоминания, касающиеся тех событий, в которых они участвовали.

Да, эта история надежды подлинная. С более подробной информацией можно ознакомиться на сайте www.amillionlittleproofs.com.

**Человека формирует характер,
а не обстоятельства.**

БУКЕР Т. ВАШИНГТОН
раб, ставший просветителем

Брошенный

Смутные, расплывчатые образы составляют большую часть моих воспоминаний раннего детства. Но одно из них врезалось в память.

Страх навсегда запечатлел случившееся в мозгу трехлетнего ребенка.

Мы с матерью стоим перед высоким зданием. Груды снега сметены к обочине тротуара.

— Ну же, Робби, — сердится мать, таща меня за собой по ступеням, ведущим к входной двери. — Нас ждут.

Мы ненадолго остаемся в какой-то незнакомой мне спальне. Я не знаю, зачем. Проснувшись среди ночи, я начинаю хныкать, пугаясь зловещих теней и шорохов. Мать шикает на меня.

Нас будит громкий звонок. Сияет солнце, страшные тени исчезли. Незнакомые шорохи прошлой ночи сменяются шумом беготни и смеха.

Мы завтракаем в просторной комнате, наполненной большим количеством детей, но они, кажется, не замечают нас. Когда завтрак

съеден, мать ведет меня по лестнице на второй этаж. Нас встречает безымянная дама в длинном темном платье.

— Почему бы тебе не пойти туда и не поиграть? — говорит она, указывая в угол, где какой-то мальчик складывает кубики.

Я не двигаюсь с места.

— Делай, что тебе велят, Робби! — приказывает мать.

Вцепившись в ногу матери, я колеблюсь. Оторвав от себя мою руку, она тащит меня к игрушкам. Мать толкает меня, и я шлепаюсь на пол лицом к мальчику.

Я тянусь за кубиком, но мальчик хватает его первым. Обеими руками он сгребает к себе все игрушки, и я оборачиваюсь к маме, чтобы пожаловаться. Но мамы нет, я вижу лишь незнакомую мне женщину.

Мама ушла.

— Робби, твоей маме пришлось отправиться в больницу, — говорит женщина. — Она уехала на поезде в Чикаго, но обязательно навестит тебя, когда поправится.

Ее губы продолжают шевелиться, но я не слышу слов. Когда наконец до меня доходит, что мать бросила меня, я начинаю хныкать.

— Прекрати, Робби, — приказывает женщина. — Займись игрушками.

— Я хочу к маме! — кричу я. — Я хочу к папе. Я хочу к бабушке Джиджи. Я хочу домой!

Крики превращаются в громкие рыдания, когда я бегу к двери. Я пытаюсь открыть ее, но не могу повернуть ручку.

— Прекрати плакать, Робби, или я отшлепаю тебя! — предупреждает женщина.

— Я хочу домой! Я хочу домой! — надрываюсь я, бросаясь на пол и колотя ногами.

Моя истерика выводит женщину из себя. Рывком подняв меня с пола, она шлепает меня снова и снова. Наконец, стиснув зубы, я сдерживаю рвущиеся изнутри рыдания. Она перестает меня лупить, но я продолжаю хлупать носом.

В ту ночь прочие обитатели приюта игнорируют меня.

Утром я просыпаюсь в мокрой постели. И все та же женщина ругает меня. После завтрака она застилает мой матрас коричневой клеенкой и такую же кладет сверху. Она заставляет меня лежать между клеенками все утро. Мне становится жарко. При малейшем движении клеенки скрипят.

— Малышка-ссыкунишка, — дразнят меня какие-то мальчики. — А новенький-то — малышка-ссыкунишка.

Мне стыдно, но я слишком напуган, чтобы ответить им.

Скрип коричневых клеенок заклеил меня как неудачника, не такого, как все. Отличающегося от других обитателей сиротского приюта, где меня бросила мать.

В последующие недели и месяцы я ничего не слышал о матери, но получил весточку от бабушки Джиджи.

Я не знаю, как и когда она узнала о моем местонахождении. Но узнав, бабушка каждую субботу приезжала на поезде из Чикаго, чтобы навестить меня в маленьком фермерском городке Принстон штата Иллинойс.

Джиджи было за шестьдесят. Она была разведена, бедна и жила одиноко в крошечной квартирке, работая продавщицей в «Маршалл филд», крупном супермаркете в центре города. Моя мать, Джойс Митчелл, была ее единственной дочерью, а я — единственным внуком.

Навещать меня Джиджи было очень непросто. Рано утром ей приходилось пройти пешком четыре квартала по Ридж-булевард — от своей квартиры в северной части города до Ховард-стрит. Потом сесть на автобус, идущий до станции Ховард, чтобы попасть на поезд, курсирующий по красной ветке. На станции Белмонт Джиджи пересеживалась на фиолетовую ветку до города Куинси в округе Адамс, после чего шагала несколько протяженных кварталов до

станции Юнион. Там садилась на поезд, известный как «Калифорнийский зефир», и два часа ехала до Принстона. Прибыв в город около десяти часов утра, она проходила пешком еще пять кварталов до сиротского приюта «Завет».

Когда Джиджи наконец видела меня, она опускалась на колени и ждала, пока я подбегу к ней. Каким-то образом ей удавалось не упасть после того, как я на полной скорости бросался в ее объятия. Обнимая бабулю, я чувствовал, что от нее приятно пахнет. Она всегда выглядела настоящей леди — в скромном, но элегантном платье, выгодно подчеркивающим ее довольно стройную фигуру. Еще я помню серьги, ожерелье, нейлоновые чулки, туфли на каблучках и шляпку, из-под которой виднелись коротко стриженные темные кудри.

«Что новенького ты узнал с тех пор, как мы виделись в последний раз?» — всегда спрашивала она. Я рассказывал ей обо всем, что только мог вспомнить, а потом с гордостью тянул бабушку к игровой площадке, чтобы показать последнее из моих достижений.

Меня переполняла гордость, когда она говорила «привет» другим мальчикам и обращалась к ним по имени. Дети вроде нас чувствуют свою значимость, если кто-нибудь помнит, как их зовут.

Ближе к полудню мы с Джиджи шли в небольшую закусочную поблизости. Она заказывала кофе, но редко обедала сама. Позволив мне заглянуть в меню, она предлагала: «Как насчет гамбургера и большого стакана молока? А на десерт мы закажем мороженое». Это всегда приводило меня в отличное настроение.

Но два часа пополудни наступали слишком быстро. Джиджи была вынуждена прощаться и уходить, чтобы успеть на трехчасовой поезд, увозивший ее обратно в Чикаго.

— Джиджи, возьми меня с собой, — умолял я. — Пожалуйста, Джиджи, ну, пожалуйста, возьми меня с собой!

Тогда она снова опускалась на колени и со слезами на глазах повторяла то, что говорила всегда:

— Робби, дорогой, драгоценный мой мальчик! Прости, я не могу взять тебя с собой. Мне так жаль, что твои родители слишком больны, чтобы заботиться о тебе. Помни, я люблю тебя, и моя любовь всегда будет с тобой.

Я не понимал, что она хотела сказать. Я знал лишь одно: каждую субботу с появлением бабушки я купался в ее любви, а с ее уходом чувствовал себя опустошенным и одиноким.

Стоя на пороге сиротского приюта, я смотрел ей вслед. Скрестив руки на груди и спрятав ладони под мышками, я слегка раскачивался из стороны в сторону.

«Почему бы тебе не взять меня к себе домой? — плакал я про себя. — Я буду хорошим мальчиком, Джиджи. Обещаю. И есть я буду совсем немного! Пожалуйста, не оставляй меня здесь».

Вскоре она скрывалась из затуманенного слезами поля зрения. И единственный, кто мог обнять меня, был... я сам.

2

МАЛЬЧИКИ младшего возраста

Не помню точно, сколько месяцев прошло, прежде чем я перестал просыпаться в мокрой постели, но от клеенок я избавился незадолго до появления Нолы. Наша новая двадцатидевятилетняя незамужняя воспитательница была рассудительной женщиной с широкой улыбкой и искрящимися радостью глазами.

Она носила простые длинные платья или блузки с бриджами, очки в оправе «кошачий глаз». Отсутствие ювелирных украшений и короткая стрижка на темных волнистых волосах завершали образ. На вопрос, почему стрижка, Нола отвечала, смеясь: «Нет времени возиться и с волосами, и с дюжиной юных шалопаев сразу!» Я влюбился в нее!

Чуть что, Нола принималась смеяться и обниматься. Она могла и отшлепать нас, но только за дело и любя. Неизменная душевная теплота этой молодой женщины частично заполнила пустоту в моем сердце.

Это позволило мне сосредоточиться на знакомстве с новым окружением.

Сиротский приют «Завет» занимал восемь гектаров площади на северо-восточной окраине Принстона. С одной стороны он граничил с полями кукурузы и соевых бобов, а с другой — с выгоном для скота.

В главном здании располагались общие спальни, кабинеты сотрудников приюта, столовая и гостиная для посетителей, в здании меньшего размера на первом этаже была оборудована прачечная, а в подвале — котельная. Амбар, курятник и огороды разместились чуть дальше.

На безопасном удалении от Элм-стрит находилась огромная игровая площадка с большими качелями, каруселью, площадками для игры в тетербол*, баскетбол, горками и бейсбольным полем. Я был очарован огромным детским городком с гимнастическими кольцами, турником, шестами для спуска и высокими лесенками. Но мне не доставало храбрости, чтобы вскарабкаться на такую высоту.

Обитатели приюта делились на четыре группы: мальчиков младшего возраста, девочек младшего возраста, мальчиков старшего возраста и девочек старшего возраста. Второй этаж меньшего здания был отведен под спальни мальчиков старшего возраста; третий этаж главного здания занимали девочки старшего и младшего возраста, а мальчики младшего возраста размещались на втором этаже.

Группа мальчиков младшего возраста насчитывала от восьми до шестнадцати детей в возрасте до десяти лет. В помещении Нолы, располагавшемся на отведенном нам этаже, имелись небольшая личная спальня и ванная комната.

В нашей ванной не было ничего личного. Всех предметов в ней было по два, и все было белым: выкрашенные белой краской деревянные кабинки с белыми унитазами, выложенный белой керамической плиткой пол, белые чугунные ванны и белые раковины, для удобства малышей установленные невысоко от пола.

* Тетербол — игра в мяч, висящий на веревке, конец которой привязан к высокому шесту. Цель игры — закрутить мяч вокруг шеста в сторону соперника. Играть могут два или четыре человека. — *Примеч. ред.*

У нас была большая гостиная с застланным ковровым полом, двумя длинными массивными диванами, парой прочных стульев и парой больших столов для выполнения домашних заданий, рисования и игр. На превосходившем меня размерами коричневом телевизоре стояла комнатная угловая антенна, позволявшая принимать несколько телеканалов.

Во всех четырех наших спальнях на покрытом черным линолеумом полу стояли черные чугунные односпальные кровати. В одной комнате три кровати, в другой пять и по четыре кровати еще в двух спальнях.

В каждой комнате имелся дубовый комод с несколькими выдвижными ящиками. У каждого мальчика был подходящий ему по росту ящик, который он называл своим. Мой ящик был нижним; в три года я был меньше всех ростом.

Я узнал, что ящики предназначались для хранения тайных сокровищ. Даже заглянуть одним глазком в ящик другого мальчика означало получить взбучку от каждого из жильцов комнаты. В моем ящике в основном хранились красивые камушки и перышки, подобранные мной на игровой площадке. Минимум раз в день я проверял их сохранность. Но некоторые мальчики вообще никогда не заглядывали в свои ящики.

Следить за людьми было сложнее. Поскольку дети постоянно то поступали в приют, то покидали его, не хватало времени с кем-нибудь подружиться. Кто-то оставался на день или два. Кто-то задерживался на несколько месяцев или дольше. Нередко вновь прибывшие были озлоблены, смущены и расстроены.

Все это не способствовало нашему сплочению. Мы жили в окружении множества детей, но каждый из нас был страшно одинок.

Принимая во внимание прошлое своих подопечных, сотрудники приюта пытались справиться с разнообразием их эмоциональных проявлений. Для сохранения порядка были установлены строгие правила и поддерживался воспроизводимый изо дня в день уклад жизни.

Например, по утрам никому не позволялось вставать с постели, пока не прозвенит звонок. Мы могли сидеть, разговаривать, свешивать ноги с кровати, но не могли встать на пол. Неприятности были неизбежны, если, проходя мимо одной из наших комнат, Нола замечала, как чей-то палец коснулся пола, прежде чем раздался звонок.

Он звенел ровно в семь утра, и тотчас все мальчишеские палаты приходили в движение. Мы вскакивали с кроватей и быстро заправляли их в строгом соответствии с требованиями Нолы. А потом устремлялись в ванную комнату, где приплясывая, дожидались своей очереди к одному из двух унитазов.

Мы чистили зубы и умывались по двое, а то и по трое возле одной раковины, а затем спешили одеться. Это было то еще зрелище, когда от восьми до шестнадцати мальчишек сломя голову неслись в раздевалку и, толкаясь, натягивали на себя комплект одежды, приготовленный Нолой на этот день и аккуратно сложенный на полу перед каждым шкафчиком.

Собственно, это были не шкафчики, а деревянные ниши в стене цвета горохового супа. Такие широкие и глубокие, что в них можно было залезть и спрятаться за одеждой. По какой-то причине дно шкафчиков было поднято над полом, так что в образовавшемся углублении помещалась одна-две пары обуви. Поскольку гардероб многих обитателей приюта при поступлении ограничивался лишь тем, во что они были одеты, в шкафчиках почти отсутствовали личные вещи.

Большая часть нашей одежды была подарена приюту местными жителями, чьи дети из нее выросли, или пожертвована магазинами и церковными общинами. Мальчики младшего возраста носили либо рубашки из фланелевой шотландки, либо белые футболки. Брюки редко подходили нам по размеру, поэтому почти все мы носили подтяжки, чтобы они не сваливались. И каждому из нас Нола самолично закатывала слишком длинные штанины.

Закончив одеваться, это разношерстное сборище строилось в шеренгу, пихаясь и толкаясь, и маршировало за Нолой на первый

этаж в столовую на завтрак, который всегда накрывали в 7:30. Любой прием пищи был скорее официальной процедурой, нежели дружескими посиделками. Большинство мальчишек сметали содержимое тарелок за пять минут, но почему-то были обязаны сидеть за столом не менее десяти минут.

После завтрака школьников средних и старших классов уродливый желтый автобус с огромной надписью «Сиротский приют “Завет”» отвозил в принстонскую муниципальную школу. Дугласовская начальная школа располагалась всего в двух кварталах от приюта, поэтому кто-нибудь из персонала отводил малышей туда и забирал обратно.

Как самый младший воспитанник приюта, я не посещал школу. Мне нравилось, когда Нола безраздельно принадлежала исключительно мне. Следуя за ней по пятам, словно игривый щенок золотистой масти, я помогал ей сортировать грязную одежду, прежде чем отнести ее в прачечную. Обычно Нола клала в наволочку несколько вещей, и я с гордостью тащил это добро по лестнице, за дверь, через баскетбольную площадку, вверх по еще одной лестнице в прачечную со множеством больших стиральных машин и сушилок.

Не желая, чтобы я топтался по усыпанному текстильной пылью полу, и оберегая от неприятностей, Нола сажала меня на стол, откуда я мог наблюдать за работой персонала прачечной, стирающего одежду и простыни для шестидесяти детей и сотрудников приюта. Среди них всегда присутствовали женщины-добровольцы из местной христианской общины «Церковь завета», называвшие себя «заветными сестрами». Я наблюдал, как они вытаскивали охапки еще горячей одежды и простыней из сушилок, загружали ими бельевые корзины на колесиках и катили их к длинным столам, где сортировали и складывали чистое белье.

Стирка не входила в обязанности воспитателей, но Нола настояла на возможности самой гладить наши воскресные рубашки. Когда ее спросили, почему она не доверяет это прачке, Нола дала исчерпы-

вающее объяснение: «Я вовсе не против. Но у некоторых мальчиков аллергия на крахмал, а другим, наоборот, нравится, когда их рубашки накрахмалены до хруста. Я же просто стараюсь каждому дать то, что ему нравится. Мне это совсем не сложно, а для них так важен индивидуальный подход, пусть и в такой мелочи, как выглаженная рубашка».

В дни, когда персонал прачечной бывал в хорошем настроении и почти вся работа уже была сделана, я, дождавшись, когда Нола отвернется, нырял с головой в корзину чистых теплых простыней.

— Где ты, Робби? — шутливо волновалась она. — Куда он пропал? Боже милостивый! Где же этот мальчик?

Держа в руках ворох простыней, она притворялась, будто ищет меня, хотя шевелившаяся в корзине груда белья выдавала мои безуспешные попытки заглушить хихиканье. Наконец, схватив за лодыжки, она вытаскивала меня из корзины, а я, болтаясь вверх тормашками, визжал, как счастливый поросенок.

— Вот ты где, детка, — смеялась она с наигранным беспокойством. — Я уж думала, что никогда не найду тебя!

Потом другие мальчики возвращались из школы, и Нола больше не была только моей. С шумом врываясь в здание приюта, побросав учебники, мальчишки принимались уплетать приготовленные для них печенье и фруктовый сок. Кто-то шел играть, а кто-то приступал к выполнению хозяйственных обязанностей, пока Нола проверяла, что им задано на дом, и читала записки от учителей. После чего ей приходилось выговаривать одному-двум воспитанникам приюта либо за пререкание с учителем, либо за драку на школьной площадке.

В пять часов вечера, вымыв руки и лицо, мы маршировали в столовую. Стоя на расчерченном черно-красными квадратами линолеуме, примерно шестьдесят детей и шестеро взрослых молились, следуя заведенному ритуалу, перед каждым приемом пищи: «Великий Боже, Ты нас спас. Спасибо, что питаешь нас. Аминь». Хор голосов звучал громко, но своей монотонностью словно бы говорил: «Мы делали так уже тысячу раз».

После молитвы начиналась шумная суматоха. Мальчишки расталкивали друг друга локтями или корчили гримасы девочкам. Скрипели отодвигаемые от столов стулья. Все, что было в моих силах, — это с трудом отодвинуть тяжелый дубовый стул от стола, вскарабкаться на него и там застрять. Расстроенный и смущенный — поскольку я был слишком мал, чтобы придвинуть мой стул к столу, — я ждал, когда подойдет Нола и поможет мне.

Когда уже я подрасту, чтобы справляться с этим самостоятельно? Или еще лучше, подражая мальчикам постарше, смогу перебрасывать ногу через спинку стула и плюхаться на сиденье, словно запрыгивающий в седло ковбой?

После ужина все шло по заведенному распорядку. Старшие мальчишки отправлялись в свои комнаты выполнять домашнее задание, а Нола готовила нас, малышей, ко сну. Если это был вечер среды или субботы, то нас ждала еще и ванна. Мы недовольно ворчали, считая, что мыться два раза в неделю — это слишком.

Но все наши жалобы были напрасны: Нола полагала, что призвана заботиться о нас. Имея в распоряжении всего две ванны для своей вырывающейся из рук оравы, она должна была отмыть шестерых, прежде чем сменить воду. А это значило, что мылись мы по двое в одной ванночке. Первая пара действительно мылась, вторая становилась чуточку чище, а третья просто резвилась в грязной воде.

К семи часам вечера мы были уже в пижамах, и Нола собирала нас в гостиной, словно насадка цыплят. Это было время библейских историй.

Садясь в центре массивного дубового дивана в углу комнаты, Нола обнимала меня, прижимая поближе к себе, и приглашала самых маленьких присоединиться к нам. Старшие устраивались на полу — сидя со скрещенными ногами или растянувшись на животе. Нола требовала абсолютной тишины и внимания, пресекая любые разговоры. Я мало что знал о Библии, но ощущал значимость момента.

Потом мы отправлялись спать. Нола преклоняла колени у каждой постели и шептала молитву, которую слышал лишь тот, о ком она в тот момент молилась. Потом целовала, желала спокойной ночи и говорила, что любит его.

Однажды, проснувшись среди ночи и шлепая босиком в туалет, я прошел мимо приоткрытой двери в маленькую спальню Нола и услышал, как в своей негромкой молитве она перечисляет имена мальчиков. Когда я возвращался назад, она окликнула меня:

— Смой за собой, Робби!

Я всегда поражался, как ей удавалось узнавать каждого из нас по шагам.

Проходя мимо ее двери в следующий раз, я остановился и постучал. Нола появилась в дверях в розовом фланелевом халате.

— Да? — сказала она с вопросительной интонацией.

— О чем вы молитесь? — спросил я. — Чтобы мы не баловались?

— Нет, Робби, — ответила она как ни в чем не бывало. — Я прошу Бога помочь мне в каждом из вас найти что-то, что можно было бы любить.

Я не знал, что ответить. И прежде чем я смог что-нибудь придумать, она подхватила меня и сжала в крепких объятиях. Неся меня в кровать, она шутиливо прошептала:

— Хотя тебе может понадобится *дополнительная* молитва о хорошем поведении!

С наступлением зимы еженедельные визиты Джиджи не прекратились. Заботливое внимание Нола также приносило свои плоды.

Но чувство одиночества не исчезло.

Я мало знал о жизни «нормальных» детей, но страстно желал покинуть приют, чтобы жить дома вместе с семьей.

Год растянулся на два, а я так ничего и не услышал от матери. Теперь она стала для меня не более чем воспоминанием.

Все изменилось совершенно неожиданно. Женщина, бросившая меня с незнакомцами, вернулась. Она принесла с собой хаос.